

П. МОРОЗОВЪ.

ПУШКИНЪ И СЕНТЪ-БЕВЪ.

ПЕТРОГРАДЪ. 1915.

ПУШКИНЪ
И
СЕНТЬ-БЕВЪ.

Воспитанный съ дѣтства на французскихъ „классикахъ“ XVII и XVIII столѣтій, въ юности подражавшій Вольтеру и Парни, а впослѣдствіи явившійся горячимъ поклонникомъ „возвышеннаго Галла“ Андре Шенье, — Пушкинъ всегда живо интересовался французской поэзіей и внимательно за нею слѣдилъ. Но современная французская литература его не удовлетворяла: въ попыткахъ нарождавшейся во второй половинѣ 20-хъ годовъ „романтической школы“ онъ видѣлъ отраженіе смутныхъ понятій о цѣли и значеніи искусства, недостатокъ истиннаго вдохновенія, погоню за формой и тенденціозность содержанія, и въ своихъ отзывахъ о новѣйшихъ французскихъ поэтахъ нерѣдко бывалъ, можетъ быть, излишне рѣзокъ. Вполнѣ увѣренный въ томъ, что только настоящій романтизмъ въ состояніи „возродить умершую поэзію“, онъ находилъ въ современной Франціи поэтовъ менѣе, чѣмъ у насъ, и въ досадѣ называлъ французскую литературу „жалкою“, а французовъ — „народомъ самымъ антипоэтическимъ“. Въ произведеніяхъ Ламартина нашъ поэтъ видѣлъ „тошее однообразіе, вялую безцвѣтность“, а Беранже вовсе не признавалъ поэтомъ, такъ какъ онъ „не имѣетъ ничего страстнаго, вдохновеннаго“. Впослѣдствіи, въ началѣ 30-хъ годовъ, Пушкинъ собирался даже „уничтожить, показать всю отвратительную подлость нынѣшней французской литературы, — сказать единожды вслухъ, что Ламартинъ скучнѣе Юнга и не имѣетъ его глубины, что Беранже — не поэтъ, что В. Гюго не имѣетъ жизни, т. е. истины, что романы А. Виньи хуже романовъ Загоскина, что ихъ журналы — невѣжды, что ихъ критики почти не лучше нашихъ Теле-скопскихъ и графскихъ...“ и что „проза едва-едва выкупааетъ гадость того, что зовутъ они поэзіей“.

Этотъ строгій приговоръ надъ современной французской литературой былъ подсказанъ Пушкину недостаткомъ въ ней того, что нашъ поэтъ всего больше цѣнилъ въ поэзіи — искренности и непосредственной простоты, которыми въ столь высокой степени отличались его собственныя произведенія.

Но вотъ, въ этой французской поэзіи, которая представлялась Пушкину какой-то пустыней, появилось произведеніе, заставившее нашего поэта нѣсколько измѣнить свое безотрадное мнѣніе. Въ 1829 г., въ Парижѣ вышла небольшая книжка: „Жизнь, стихотворенія и мысли Жозефа Делорма“ (*Vie, poésies et pensées de Joseph Delorme*, 1 v. 16°). Это было поэтическое оправданіе новой школы французской поэзіи въ отношеніи

ея технических средствъ, стиха, способа выраженія и т. п., — проповѣдь свободной образности, требующей для себя самостоятельныхъ правъ, не подчиняясь приѣмамъ прозаической мысли. Объ авторѣ книжки говорилось, что это былъ бѣдный молодой поэтъ, умершій отъ чахотки въ нищетѣ и неизвѣстности, друзья котораго рѣшились издать его литературное наслѣдіе съ краткимъ жизнеописаніемъ. Трогательная судьба несчастнаго Делорма и несомнѣнная даровитость, нашедшая себѣ яркое выраженіе въ его задушевныхъ стихахъ, обратили на него вниманіе публики и критики и доставили книжкѣ шумный, можетъ быть даже — нѣсколько преувеличенный, успѣхъ. Та же исторія повторилась, почти полвѣка спустя, и въ итальянской литературѣ, когда поэтъ Олиндо Гверрини издалъ (въ 1877 г.) будто бы „Посмертныя“ произведенія бѣднаго, рано похищеннаго злой чахоткой, Лоренцо Стеккетти. Жозефъ Делормъ, такъ же, какъ въ послѣдствіи Стеккетти, оказался миѳомъ, удачно придуманнымъ для того, чтобы на первыхъ порахъ обезоружить слишкомъ строгихъ цѣнителей и судей: создателемъ этого литературнаго миѳа былъ знаменитый въ послѣдствіи критикъ и историкъ литературы Шарль-Огюстъ Сентъ-Бевъ (1804 — 1869), впервые выступившій въ роли поэта. Онъ сознавалъ въ себѣ поэтическое дарованіе и въ самомъ дѣлѣ обладалъ имъ, хотя и не принадлежалъ къ великой семьѣ творцовъ; строгій въ отношеніи къ самому себѣ, избѣгая ударовъ которые могли быть нанесены его самолюбію черезчуръ жестокимъ приговоромъ критики, онъ прикрылся симпатичной маской бѣднаго юнаго поэта, о которомъ сообщалъ публикѣ слѣдующія свѣдѣнія:

„По своимъ вкусамъ, занятіямъ и дружескимъ связямъ, особенно въ концѣ жизни, Жозефъ умомъ и сердцемъ принадлежалъ къ той молодой школѣ поэзіи, которую Андре Шенье завѣщалъ XIX вѣку съ полножія эшафота и славное наслѣдство которой Ламартинъ, Альфредъ де-Виньи, Викторъ Гюго, Эмиль Дешанъ и десятокъ другихъ поэтовъ, послѣдовавшихъ за ними, собрали, обработали и приумножили. Хотя онъ пробовалъ свои силы въ изображеніи чувствъ и въ небольшихъ по объему описаніяхъ природы, но, можетъ быть, онъ все-таки имѣетъ право надѣяться, что его имя будетъ упомянуто послѣ этихъ славныхъ именъ, хотя бы и на большомъ отдаленіи отъ нихъ“.

Благосклонный приѣмъ, оказанный Жозефу Делорму, побудилъ Сентъ-Бева издать въ слѣдующемъ же (1830) году, подъ тѣмъ же именемъ, новую книжку стихотвореній, подъ заглавіемъ: „Утѣшенія“ (Consolations, P. 1830. 18°). Здѣсь Делормъ является уже въ нѣсколько иномъ свѣтѣ, — примиреннымъ съ судьбою, находящимъ удовлетвореніе своихъ душевныхъ запросовъ въ религіи и искусствѣ. Въ послѣдствіи, умудренный и отчасти ожесточенный долгимъ опытомъ критика, Сентъ-Бевъ подсмѣивался надъ этой затѣей своей молодости: „Я поддался модѣ“, говорилъ онъ. „Въ ту пору всѣ придавали себѣ „роковой“ видъ, всѣ подражали Байрону и время отъ времени представлялись мистиками и неутѣшными. Вотъ, я и написалъ Утѣшенія“.

Объ книжки Жозефа Делорма обратили на себя вниманіе Пушкина. Въ № 32 Литературной Газеты 1831 г. поэтъ напечаталъ о нихъ замѣчательную статью, съ подписью: „Р.“, принадлежность которой Пушкину была неопровержимо доказана только въ недавнее время — Н. О. Лернеромъ, въ извѣстномъ академическомъ изданіи: „Пушкинъ и его совре-

менники“, вып. XII (1909), стр. 143 — 158. Въ этой статьѣ Пушкинъ привѣтствовалъ „необыкновенный талантъ“ Жозефа Делорма, „ярко отсвѣченный страннымъ выборомъ предметовъ“, и „съ изумленіемъ“ находилъ „между болѣзненными признаніями—стихотворенія, исполненныя свѣжести и чистоты“. Остановливаясь, затѣмъ, на „Мысляхъ“ Делорма, нашъ поэтъ замѣтилъ, что онъ „слишкомъ много придаетъ важности нововведеніямъ такъ называемой романтической школы французскихъ писателей, которые сами полагаютъ слишкомъ большую важность въ формѣ стиха, въ цезурѣ, въ риѣмѣ, въ употребленіи нѣкоторыхъ старинныхъ словъ, нѣкоторыхъ старинныхъ оборотовъ и т. п.“. Какъ проповѣдникъ искренности, простоты и естественности въ искусствѣ, подсаживаемой самымъ характеромъ правдиваго и свободнаго русскаго языка, Пушкинъ находилъ, что все это „слишкомъ напоминаетъ гремушки и пеленки младенчества“. Наконецъ, обращаясь къ „Утѣшеніямъ“, Пушкинъ иронически указывалъ, что здѣсь „Делормъ является исправленнымъ совѣтами пріятелей, людей степенныхъ и нравственныхъ... Слогъ его перебѣсился. Словомъ сказать, — и вкусъ, и нравственность должны быть имъ довольны. Можно даже надѣяться, что въ третьемъ своемъ томѣ Делормъ явится набожнымъ, какъ Ламартинъ, и совершенно порядочнымъ человѣкомъ“. Но, въ то же время, Пушкинъ жалѣлъ о поэтѣ: „Бѣдный Делормъ обладалъ свойствомъ чрезвычайно важнымъ, недостающимъ почти всѣмъ французскимъ поэтамъ новѣйшаго поколѣнія, свойствомъ, безъ котораго нѣтъ истинной поэзіи, т. е. искренностью вдохновенія“. Это-то свойство Делорма, очевидно, и подкупило Пушкина. Кромѣ того, внимательно читая стихотворенія молодого французскаго поэта, Пушкинъ находилъ въ нихъ мотивы, которымъ не могъ не сочувствовать. Такъ, Н. О. Лернеръ указываетъ, что „описаніе безмятежной семейной жизни у Делорма вызвало сочувствіе въ нашемъ поэтѣ, который, только что женившись, самъ мечталъ наслаждаться семейнымъ счастьемъ... Грустныя слова Делорма, написанныя въ рецензіи Пушкина:

Et moi, qui vois couler cette humble destinée
 Au penchant du devoir doucement entraînée,
 Ces jours purs, transparents, calmes, silencieux,
 Qui consolent du bruit et reposent les yeux,
 Sans le vouloir, hélas! je retombe en tristesse;
 Je songe à mes longs jours passés avec vitesse,
 Turbulents, sans bonheur, perdus pour le devoir,
 Et je pense, ô mon Dieu, qu' il sera bientôt soir!

должны были привести на память нашему поэту его собственные стихи:

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ пирахъ,
 Въ безумствѣ гибельной свободы

 Мои утраченные годы...

(„Воспоминаніе“, 1828).

Нашъ поэтъ зналъ, какъ жгучи слезы расканья:

Такъ отрокъ Библии, безумный расточитель,
 До капли истощивъ раскаянья фіаль,
 Увидѣвъ, наконецъ, родимую обитель,
 Главой поникъ и зарыдалъ...

(„Воспоминаніе въ Царскомъ Селѣ“, 1829).

Къ этимъ указаніямъ Н. О. Лернера слѣдуетъ прибавить рядъ другихъ сопоставленій, гораздо болѣе существенныхъ, свидѣтельствующихъ о томъ, что внимательное чтеніе стихотвореній Жозефа Делорма нашло себѣ отраженіе какъ въ содержаніи, такъ и въ формѣ нѣкоторыхъ произведеній Пушкина. Съ этой стороны стихотворенія Делорма еще не были обслѣдованы нашими пушкинистами.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что взгляды французскаго поэта на цѣль и значеніе поэзіи оказались вполне совпадающими съ тѣмъ представленіемъ объ идеалѣ поэта, которое уже давно жило въ душѣ Пушкина и, такъ или иначе, выразалось во многихъ его произведеніяхъ. Делормъ, какъ и Пушкинъ, является яркимъ представителемъ того ученія о правахъ самобытнаго творчества и объ охранѣ поэтомъ своей индивидуальности противъ притязаній неразумной „черни“, исходнымъ пунктомъ котораго является индивидуализмъ Руссо и его послѣдователей, въ томъ числѣ и высоко цѣнимаго нашимъ поэтомъ Андре Шенье. Въ этомъ отношеніи муза Делорма, которую Пушкинъ (въ упомянутой выше статьѣ) имѣлъ полное основаніе сравнивать съ музою Шенье, подсказала нашему поэту новыя, еще болѣе яркія и опредѣленныя варіаціи на ту же излюбленную тему. Съ чувствомъ того удовольствованія, какое всегда испытывается человѣкомъ, неожиданно встрѣчающимъ единомышленника въ самыхъ завѣтныхъ своихъ убѣжденіяхъ, долженъ былъ Пушкинъ читать стихотвореніе Делорма: „Къ Буланже“, гдѣ развиваются тѣ же мысли, которыя такъ сжато и сильно высказаны были нашимъ поэтомъ еще въ 1827 году, въ знаменитомъ стихотвореніи: „Поэтъ“ („Пока не требуютъ поэта...“):

Quand la céleste voix, oracle du Poète,
 S'affaiblit et sommeille en son âme muette,
 Quand la lampe éternelle, où son oeil est fixé,
 S'obscurcit un moment sur l'autel éclipse,
 Alors, déchu du Ciel et perdant son tonnerre,
 Dans les obscurités du monde sublunaire
 Le Poète retombe; il se mêle aux humains;
 Va par les carrefours, rôde par les chemins,
 Ou sur son banc de pierre assis, morne et l'oeil terne,
 Voit les ombres passer aux murs de la caverne.
 Et comme autour de lui, brutale et sans raison
 La foule est en orgie au fond de la prison
 Trop souvent, lui Poète, ennuyé, las d'attendre,
 Que la voix de son coeur se fasse encore entendre;
 Que la lampe mystique à ses yeux luise encor,
 Tête baissée, aussi ravalant son essor,
 Il entre dans la fête et tout entier s'y livre,
 Comme un roi détrôné qui chante et qui s'enivre;
 De périssables fleurs il couronne son front;
 Pour noyer tant d'ennui, son verre est peu profond;
 Il redouble; il est roi du banquet; il s'écrie
 Que, pourvu qu'ici-bas l'homme s'oublie et rie,
 Tout est bien, et qu'il faut de parfums s'arroser...
 Et quelque femme, auprès, l'interrompt d'un baiser;
 Jusqu'à ce qu'une voix que n'entend point l'oreille,
 Comme le chant du coq à l'aube le réveille,
 Ou que sur la muraille un mot divin tracé
 Le chasse du festin, Balthazar insensé...

• • • • •

Два знаменитыхъ сонета, тема которыхъ дана Вордсвортомъ: „Поэтъ, не дорожи любовію народной“ и „Суровый Дантъ не презиралъ сонета“ (1830), встрѣчаются также у Делорма, который заимствовалъ ихъ изъ того же источника, — и кто знаетъ? можетъ быть, именно Делормъ, а не Вордсвортъ послужилъ образцомъ для нашего поэта:

Quand le Poète en pleurs, à la main une lyre,
Poursuivant les beautés dont son coeur est épris,
A travers les rochers, les monts, les près fleuris,
Les nuages, les vents, mystérieux empire,
S'élance, et plane seul, et qu'il chante ou soupire,
La foule en bas souvent, qui veut rire à tout prix,
S'attroupe, et l'accueillant au retour par des cris,
Le montre au doigt; et tous, pauvre insensé, de rire!
Mais tous ces cris, Poète, et ces rires d'enfants,
Et ces mépris si doux aux rivaux triomphants,
Que t'importe, si rien n'obscurcit ta pensée,
Pure, aussi pure en toi qu'un rayon du matin,
Que la goutte de pleurs qu'une vierge a versée,
Ou la pluie en avril sur la ronce et le thym!

(Consolations).

* . *

Ne ris point des sonnets, ô critique moqueur!
Par amour autrefois en fit le grand Shakspeare;
C'est sur ce luth heureux que Petrarque soupire,
Et que le Tasse aux fers soulage un peu son coeur.
Camoens de son exil abrège la longueur,
Car il chante en sonnets l'amour et son empire;
Dante aime cette fleur de myrthe, et la respire,
Et le mêle au cyprès qui ceint son front vainqueur;
Spenser, s'en revenant de l'île des féeries,
Exhale en longs sonnets ses tristesses chéries;
Milton, chantant les siens, ranimait son regard;
Moi, je veux rajeunir le doux sonnet en France:
Du Bellay, le premier, l'apporta de Florence,
Et l'on en sait plus d'un de notre vieux Ronsard.

Въ строфахъ X — XII стихотворенія „Осень“ (1830) уже непосредственно отразилось стихотвореніе Делорма: „Le Calme“:

Souvent un grand désir de choses inconnues,
D'enlever mon essor aussi haut que les nues,
De ressaisir dans l'air des sons évanouis,
D'entendre, de chanter mille chants inouis,
Me prend à mon réveil; et voilà ma pensée
Qui, soudain rejetant l'étude commencée,
Et du grave travail, la veille interrompu,
Détournant le regard comme un enfant repu,
Caresse avec transport sa belle fantaisie,
Et veut partir, voguer en pleine poésie.
A l'instant le navire appareille; et d'abord
Les câbles sont tirés, les ancres sont à bord,
La poulie a crié; la voile suspendue
Ne demande qu'un souffle à la brise attendue,
Et sur le pont tremblant tous mes jeunes nochers
S'interrogent déjà vers l'horizon penchés.
Adieu, rivage, adieu! — Mais la mer est dormante,
Plus dormante qu'un lac; mieux vaudrait la tourmente!
Mais d'en haut, ce jour-là, nul souffle ne répond;
La voile pend au mât et traîne sur le pont...

Напомнимъ, для сравненія, строфы нашего поэта:

X.

И забываю міръ, и въ сладкой тишинѣ
Я сладко усыпленъ моимъ воображеньемъ,
И пробуждается поэзія во мнѣ:
Душа стѣсняется лирическимъ волненьемъ,
Трепещетъ и звучитъ и ищетъ, какъ во снѣ,
Излиться, наконецъ, свободнымъ проявленьемъ—
И тутъ ко мнѣ идетъ незримый рой гостей,
Знакомцы давніе, плоды мечты моей.

XI.

И мысли въ головѣ волнуются въ отвагѣ,
И риѣмы легкія на встрѣчу имъ бѣгутъ,
И пальцы просятся къ перу, перо — къ бумагѣ,
Минута — и стихи свободно потекутъ.
Такъ дремлетъ недвижимъ корабль въ недвижной влагѣ.
Но — чу!.. Матросы вдругъ кидаются, ползутъ
Вверхъ, внизъ — и паруса надулись, вѣтра полны,
Громада двинулась и разсѣкаетъ волны.

XII.

Плыветь... Куда жь намъ плыть?..

Мысли однѣ и тѣ же; но у Пушкина онѣ выражены, по его обыкновенію, сильно и сжато, между тѣмъ какъ у Делорма изложеніе отличается расплывчатостью и тою чрезмѣрною болтливостью, которою вообще такъ часто грѣшитъ французская лирика. Пушкинъ вполне владѣетъ мыслью и подчиняетъ ей свой стихъ; Делормъ часто увлекается красивыми образами и созвучіями и подчиняетъ свою мысль риѣмѣ. Эта противоположность между обоими поэтами особенно ярко проявляется въ сопоставленіи одного сонета Делорма съ восьмистишемъ Пушкина:

Enfant, je m'étais dit et souvent répété:
„Jamais, jamais d'amour; c'est assez de la gloire;
„En des siècles sans nombre étendons ma mémoire,
„Et semons ici-bas pour l'immortalité“.
Plus tard, je me disais: „Amour et volupté,
„Allez, et gloire aussi! que m'importe l'histoire!
„Fantôme au laurier d'or, vierges au cou d'ivoire,
„Je vous fuis pour l'étude et pour l'obscurité“.
Ainsi, jeune orgueilleux, ainsi longtemps disais-je;
Mais comme après l'hiver, en nos plaines, la neige
Sous le soleil de mars fond au premier beau jour,
Je te vis, blonde Hélène, et dans ce coeur farouche,
Aux rayons de tes yeux, au souffle de ta bouche,
Aux soupirs de ta voix, tout fondit en amour.

Посмотримъ теперь, во что обратился этотъ многословный сонетъ у нашего поэта:

Я думалъ, сердце позабыло
Способность легкую страдать,
Я говорилъ: „Тому, что было,
„Ужь не бывать, ужь не бывать:

„Прошли восторги и печали
И легковѣрные мечты!“...
Но вотъ, опять затрепетали
Предъ мощной властью красоты.

(1835).

Ни одного лишняго слова. Мысль выражена сильно, просто и ясно, безъ всякихъ украшеній и словесныхъ фіоритуръ, безъ которыхъ никакъ не можетъ обойтись французскій поэтъ по самому свойству своей рѣчи, чуждой простоты и естественности. Французъ даже въ выраженіи самаго искренняго, самаго задушевнаго своего чувства не можетъ избѣжать искусственной фразеологіи; русскому поэту она противна, какъ противна самому духу нашего языка, всегда простаго и яснаго, всегда чуждаго всякой дѣланности и „театральной“ декламации. Недаромъ Пушкинъ, прежде всего искавшій въ поэзіи — искренности, такъ возмущался произведеніями современныхъ ему французскихъ поэтовъ и ихъ погоней за „младенческими погремушками“ стиха и риѐмы, затуманивающей чувство и мысль. Въ этомъ гениальномъ прозрѣніи въ самую суть нашего народнаго духа — залогъ вѣчно живой и вѣчно юной поэзіи Пушкина, которая не перестанетъ очаровывать насъ, пока будетъ жить нашъ „великій, могучій, правдивый и свободный“ русскій языкъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ еще одну любопытную черту сходства въ стихахъ Пушкина и Делорма — уже не по содержанію, а по формѣ.

Въ числѣ черновыхъ набросковъ нашего поэта есть одно обращеніе къ риѐмѣ, написанное въ концѣ 1828 года:

Риѐма, звучная подруга
Вдохновеннаго досуга,
Вдохновеннаго труда,
Ахъ, ужель ты улетѣла,
Измѣнила навсегда?
Твой привычный, милый лепѣтъ
Усмирялъ сердечный трепетъ,
Усыплялъ мою печаль;
Ты ласкалась, ты манила
И отъ міра уводила
Въ очарованную даль, и т. д.

И у Делорма есть также стихотвореніе: „A la rime“, очень сходное по размѣру:

Rimè, qui donnez leurs soñs
Aux chansons,
Rime, l'unique harmonie
Du vers, qui, sans tes accents
Frémisants,
Serait muet au génie, etc.

Это стихотвореніе, первоначально напечатанное въ „Annales Romantiques“ 1828 г., могло быть извѣстно Пушкину и могло навести его на мысль — написать свое обращеніе къ риѐмѣ, причемъ, однако, нашъ поэтъ позаимствовался у французскаго собрата только формою, вложивъ въ нее совѣмъ иное содержаніе. Любопытно также, что почти тѣмъ-же

размѣромъ написалъ свое „Прощаніе съ римомъ“ и итальянскій поэтъ Кардуччи:

Ave, o rima! Con bell'arte
 Sulle carte
 Ti persegue il trovatore,
 Ma tu brilli,
 Tu scintilli,
 Tu zampilli
 Su del popolo dal cuore, etc.

Не беремся рѣшить, подражалъ, ли въ этомъ случаѣ Кардуччи Делорму (и у него есть также сонетъ о сонетѣ, на тему Вордсворта), или же самая мысль объ обращеніи къ римѣ вызывала стихи съ богатыми и причудливыми римами?

П. Морозовъ.

*Отдельный оттиск из журнала «Русский Библиофил», ноябрь, 1915 г.
Отпечатано в типографии - Сиріусъ - Петроградъ. Рыночная, 10.*